

УДК – 398

ЭЛЕМЕНТ ЗАПРЕТА В КОМПОЗИЦИИ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Абдулганиева М.С.

Крымскотатарский фольклор, как и устное творчество других народов, отражает становление мировоззрения, ментальности крымскотатарского этноса. Крымскотатарские волшебные сказки, в своей структуре содержащие различные композиционные элементы, также включают в свой состав пару «запрет – нарушение запрета». Указанные элементы композиции волшебной сказки традиционно восходят к древним табу, к периоду тотемизма. В крымскотатарских образах, особенно в свадебном, мы находим проявления различного рода табу и процедур инициации.

Крымские татары, продолжая древние традиции, с принятием ислама, естественно, восприняли все нормы мусульманской религии, которая предписывала свои ограничения и запреты.

Ключевые слова: крымскотатарский фольклор, волшебные сказки, табу, тотемизм

Целью нашего исследования является элемент запрета в композиции крымскотатарской волшебной сказки. Поскольку крымскотатарские сказки на сегодняшний день явление недостаточно изученное, нам представляется **актуальной** задача нашего исследования.

Крымскотатарский фольклор, как и устное творчество других народов, отражает становление мировоззрения, ментальности крымскотатарского этноса. Крымскотатарские волшебные сказки, в своей структуре содержащие различные композиционные элементы, также включают в свой состав пару «запрет – нарушение запрета». Указанные элементы композиции волшебной сказки традиционно восходят к древним табу, к периоду тотемизма.

В заметках А.Н. Бернштама о быте и культуре крымских татар конца XIX – начала XX вв. «Материализованная религия» мы находим такое описание крымскотатарского двора и жилища: «...часто к колонне дома на террасе прикрепляют голову барана, которого режут во время праздника Курбан-Байрам. Череп при жилище обыкновенно служит выражением некоего священного покровительства по отношению к дому... Форма такого почитания есть пережиточная форма тотемизма у крымских татар. Подобное же мы наблюдаем и с головой лошади, что, однако, имеет отношение не к одному жилищу, а ко всему хозяйству. Голова лошади вешается на плетень, окружающий дом, или укрепляется возле хозяйственной постройки» [2, с.39]. То есть тотемизм

тические верования у крымских татар сохранялись довольно долго, а в некоторых обрядах «живут» и по сей день.

Табу, запреты, в древней культуре исполняли защитную и регулирующую функции. Так запрет убивать тотемное животное и запрет на половые отношения внутри одного тотема считаются самыми древними.

Целями табу считают: охрану важных лиц (вождей), предметов; защиту более слабых от магической силы вождей; защиту от опасностей, связанных с прикосновением к трупам (мертвецам) и с едой; охрану важных жизненных актов (роды, брак, инициация); защиту людей от могущества и гнева богов и демонов; охрану нерожденных и маленьких детей от опасностей, в связи с их зависимостью от действий родителей [8, с. 39 -41].

Защищая и охраняя, табу давало возможность культурной и религиозной идентификации определенной группы людей, этносу. Так, например, запретам в старообрядчестве изначально отводились многообразные функции, и, прежде всего, функции защиты и разграничения в отношениях с иноверным миром, а также регулирующая функция для случаев, когда избежать контактов с «миром» не представлялось возможным.

Основанием для выработки *защитных запретов* служила уверенность, разделявшаяся представителями большинства старообрядческих согласий, в том, что близость пришествия Антихриста и кончины мира требует особых мер для сохранения ритуально чистой среды и пространства в эти «последние времена» [9].

В крымскотатарских обрядах, особенно в свадебном, мы находим проявления различного рода табу и процедур инициации. Так, известно, что жених мог навестить невесту только на третий день после сватовства, да и то, посещать ее тайно, переговариваясь через окно, избегая встречи лицом к лицу, как с невестой, так и с будущей тещей. Обычай посещения невесты до совершения бракосочетания назывался «пенджере». Перед свадьбой жениху производили ритуальное бритье, невесте окрашивали волосы и ногти хной, а перед входом в дом невесты жених получал еще и побои от своих друзей.

Обычай избегания родителей невесты содержит в себе элементы первобытных отношений эпохи переходного периода от матриархата к патриархату [7, с. 16].

В сказке «Лювкьулакь огьлан» («Парень с медвежьими ушами») мы встречаем целый комплекс проявления функции «нарушение запрета». Так, на третий день свадьбы визиря, подружки невесты выводят девушку во двор, где её замечает медведь, а ночью, он её похищает через окно. Здесь налицо нарушение изоляции девушки (невесты) перед браком (или в связи с физиологическим циклом) - вывели во двор; во дворе происходит встреча с будущим, к тому же, тотемным, супругом – медведем: далее – близко к обычаю «пенджере» – медведь постучал в окно, девушка выплянула и была похищена медведем.

Похищение жен – одна из пережиточных форм обряда, бытовавшего у многих народов, в том числе и у крымских татар [7, с.17].

Другого рода запреты в анализируемых нами сказках связаны с контактом с чужим миром, миром магических сил. Так в сказке «Зюльбюер къыз» («Девушка Зюльбюер») отец запрещает сыновьям охотиться в восточной части леса, в сказке «Алтынбашнен Хыярбаш» («Златовласка и Огуречноволосяя») девочка по приказу мачехи идет на реку пасти теленка, вспоминая свою мать, она долго плачет и, наконец, засыпает. Известно, что сон в древности мог восприниматься как временная смерть. Нарушив, таким образом, табу сна, далее девочка вступает в контакт с персонажем-Дарителем. А в сказке «Джумерт ве Къызгъ-анч» («Щедрый и Скупой») действие происходит на мельнице – традиционно магической территории. Несмотря на высказанный запрет, Джумерт остается на мельнице, вследствие чего подслушивает разговор джиннов.

Встречается, так сказать, потенциальный запрет говорить в сказке «Падишанынъ масалы» («Сказка о падишахе»), когда, не дав возможности проговориться о проделках жены падишаха, последняя приказывает убить дочку падишаха. Такой же потенциально нарушенный запрет мы находим в варианте сказки «Таз огълан» («Лысый юноша»). Здесь удалившийся по делам падишах получает весть о дочери, которая якобы сожительствует с одним из визирей.

В заключение можно сделать следующие **выводы**: крымские татары, продолжая древние традиции, с принятием ислама, естественно, восприняли все нормы мусульманской религии, которая предписывала свои ограничения. Ко времени принятия крымскими татарами ислама сказка была уже сформирована, как фольклорный жанр, и, переживая различные трансформации сюжета и т.д. исламские запреты проникли в содержание крымскотатарских волшебных сказок. Анализируя сборник «Сказки и легенды татар Крыма» мы находим, что сознание и быт рассказчиков уже прочно связаны с культурой ислама. Если говорить о композиции крымскотатарской волшебной сказки, то, мы считаем, здесь запреты и рекомендации для мусульман, часто пронизывающие содержание сказки, проявляют себя в виде различных элементов композиции и требуют отдельного анализа.

Список литературы

1. Акъыллы кирпинен айнеджи тильки. – Ташкент: Чолпан, 1990. – 223 с.
2. Бернштам А.Н. Жилище Крымского предгорья// Крымские татары: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. – Симферополь: Доля . 2005. – С. 39 – 41.
3. Крымские татары: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. – Симферополь: Доля . 2005. – 576с.
4. Мудрость веков. (Традиционное мусульманское воспитание). Часть II. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2000. – 192 с.

5. Сказки и легенды татар Крыма: фольклорный сборник. – М.: Новости, 1992. – 352 с.
6. Тылсымлы юзюк. Халкъ масаллары. – Акъмесджит: Таврия, 2006. – 80 с.
7. Шевкет Энвер. Архаичные элементы народной свадебной обрядности и обычаев крым-татар.// Къасевет. – 1990. – № 1/18. – С.16–22.
8. Фрейд З. Тотем и табу. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 256 с.
9. [http// www. ruthenia.ru](http://www.ruthenia.ru)
10. Записи на фольклорной практике, произведенные З. Нафеевой (Карахалиловой)

Абдулганиева М.С. Елемент заборони в композиції кримськотатарської чарівної казки
Кримськотатарський фольклор, як і усна творчість інших народів, відбиває становлення світогляду, ментальності кримськотатарського етносу. Кримськотатарські чарівні казки, у своїй структурі утримуючі різні композиційні елементи, також включають у свій склад пари «заборона – порушення заборони». Зазначені елементи композиції чарівної казки традиційно започатковані з древнього табу, з періоду тотемізму. У кримськотатарських обрядах, особливо у весільному, ми знаходимо прояви різного роду табу і процедур ініціації.

Кримські татари, продовжуючи древні традиції, з прийняттям ісламу, природно, сприйняли всі норми мусульманської релігії, що пропонувала свої обмеження і заборони.

Ключові слова: кримськотатарський фольклор, чарівні казки, табу, тотемізм.

Addulganieva M.S. Element of prohibition in composition of Crimean Tatar magic fairy-tale
Crimean Tatar folklore, as well as a verbal creation of other people, reflects becoming of world view, mentality of Crimean Tatar ethnos. Crimean Tatar magic fairy-tales, containing different composition elements in the structure, also plug in the composition the pair «prohibition – violation of prohibition». The indicated elements of composition of magic fairy-tale traditionally ascend to the ancient taboos, to the period of totems. In Crimean Tatar ceremonies, especially in wedding, we find the displays of a different sort of taboos and procedures of initiation.

Crimean Tatars, continuing ancient traditions, with acceptance of Islam, naturally, accepted all norms of Muslim religion which ordered the limitations and prohibitions.

Key words: Crimean Tatar folklore, magic fairy-tales, taboo, totem

Статья поступила в редакцию 16 марта 2007 г.